

ДМИТРИЙ

ВОДЕННИКОВ

ДМИТРИЙ

ВОДЕННИКОВ

СТИХИ
ОБО
ВСЕМ

Москва
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В62

Фотография на обложке — *Ольга Паволга*

Воденников, Дмитрий Борисович.
В62 Стихи обо всем / Дмитрий Воденников. —
Москва : Эксмо, 2023. — 224 с. — (Поэзия подарочная).

ISBN 978-5-04-107728-0

«Поэт — человек, который слышит слово. Слово — это то, что отличает нас от животных. А с другой стороны, поэт — одно из самых древних животных со времен гибели динозавров. Поэт — маленький зверек. В сущности — крыса. Поэт — мелкий хвостатый зверек, который первым чувствует приближение катастрофы. Только бежать с корабля ему некуда. Пусть не будет катастроф. С остальным мы справимся».

Дмитрий Воденников

В книгу включены объективно лучшие стихотворения, ставшие неотъемлемой частью поэтического облика нового тысячелетия.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-107728-0

© Воденников Д., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Так дымно здесь
и свет невыносимый,
что даже рук своих не различить —
кто хочет жить так, чтобы быть любимым?
Я — жить хочу, так чтобы быть любимым!
Ну так как ты — вообще не стоит — жить.

А я вот все живу — как будто там внутри
не этот — как его — не будущий Альцгеймер,
не этой смерти пухнувший комочек,
не костный мозг
и не подкожный жир,
а так как будто там какой-то жар цветочный,
цветочный жар, подтаявший пломбир,

а так, как будто там какой-то ад пчелиный,
который не залить, не зализать...
Алё, кто хочет знать, как жить,
чтоб быть любимым?
Ну чё молчим? Никто не хочет знать?

Вот так и мне не то чтоб неприятно,
что лично я так долго шёл на свет,
на этот свет и звук невероятный,
к чему-то там, чего на свете нет,

вот так и мне не то чтобы противно,
что тот, любой другой, кто вслед за мною шёл,
на этот звук, на этот блеск пчелиный,
на этот отсвет — все ж таки дошёл,

а то, что мне — и по какому праву —
так по-хозяйски здесь привыкшему стоять,
впервые кажется, что так стоять не надо.
Вы понимаете, что я хочу сказать?

Огромный куст, сверкающий репейник,
который даже в джинсы не зашить —
последний хруст, спадающий ошейник —
что там еще, с чем это все сравнить?

Так пусть — гудящий шар до полного распада,
в который раз качнется на краю...

*Кто здесь сказал, что здесь стоять не надо?
я — здесь сказал, что здесь стоять не надо?
ну да сказал — а все еще стою.*

*Так жить, чтоб быть
ненужным и свободным,
ничейным, лишним, рыхлым, как земля —
а кто так сможет жить?*

Да кто угодно,
и как угодно — но не я, не я.

* * *

Любая женщина — как свежая могила:
из снов, из родственников,
сладкого, детей...

Прости её. Она тебя любила.
А ты кормил — здоровых лебедей.

Но *детским призракам* (я это точно знаю) —
не достучаться им —
до умного — меня...

А ты — их *слышишь* — тёплая, тупая,
непоправимая — как клумба, полынья.

Стихотворение — простое, как объятье —
гогочет, но не может говорить.

Но у мужчин — *зато* —
есть вечное занятие:
жён, как детей, — из мрака — выводить.

И каждый год — *крикливым, птичьим* торгом
я занимаюсь в их — живой — груди:

ту женщину,
навшуюся торгом,
от мук, пожалуйста, — *избавь и огради!*

Все стихтворения —
как руки, как объятья.

(...от пуха, перьев их — прикрой меня —
двумя!)

Да, у мужчин — *другие* есть занятия,
но нет других — *стихотворений* — у меня.

...Ты мне протягиваешь — руку наудачу,
а я тебе — дырявых лебедей.

Прости меня.

Я *не тишу*, я плачу —
над бедной — бедной — *девочкой* — моей...

* * *

Я не кормил — с руки — литературу,
её бесстыжих и стыдливых птиц.
Я расписал себя — как партитуру
желёз, ушибов, запахов, ресниц.

Как куст — в луче прожектора кромешном —
осенний, — я изрядно видел тут,
откуда — шапками — растут стихотворенья,
(а многие — вглубь шапками растут).

Я разыграл себя — как карту, как спектакль
зерна в кармане, — и — что выше сил! —
(*нет, не моих!* — моих на много хватит) —
я раскрыл себя — как ткань, как шёлк, как
штапель
(однажды даже череп раскрыл).

Я раскрыл, а ты меня заштопал,
так просто — наизнанку, напоказ, —
чтоб легче — было — жить,
чтоб жизнь была — по росту,
на вырост — значит, вровень, в самый раз!

Я превратил себя —
в паршивую канистру,
в бикфордов шнур, в бандитский Петербург.

Я заказал себя — как столик, как убийство, —
но как-то — слишком громко, чересчур.

Я — чересчур, а ты меня — поправишь:
как позвонок жемчужный — обновить,
где было слишком много — там убавишь,
где было слишком мало — там прибавишь.
Но главное — *отпустишь* и *оставишь*
(меня, меня! — отпустишь и оставишь),

не выхватишь, —
не станешь! — не простишь...

* * *

Ах, жадный, жаркий грех, как лев меня терзает.
О! матушка! как моль, мою он скушал шубку,
а нынче вот что, кулинар, удумал:
он мой живот лепной, как пирожок изюмом,
безумьем медленным и сладким набивает
и утрамбовывает пальцем не на шутку.

О матушка! где матушка моя?

Отец мне говорит: Данила, собирайся,
поедем на базар, там льва степного возят,
он жаркий, жадный лев, его глаза сверкают, —
я знаю, папа, как они сверкают, —
я вытрясаю кофту в огороде:
вся кофта съедена, как мех весной у зайца,
я сам как заяц в сладком половодье.

О матушка! где матушка моя?

А ночью слышу я, зовут меня: Данила,
ни меда, ни изюма мне не жалко,
зачем ты льва прогнал и моль убил, Данила? —
так источается густой, горячий голос.
Я отвечаю: мне совсем не жарко,
я пирожок твой с яблочным повидлом.
А утром говорит отец: Пойдем в «Макдоналдс».

О матушка! где матушка моя?

Намедни сон сошел: солдат рогатых рота,
и льва свирепого из клетки выпускают,
он приближается рычащими прыжками,
он будто в классики зловещие играет,
но чудеса! — он, как теленок, кроток:
он тычется в меня, я пасть его толкаю
смешными, беззащитными руками,
глаза его как желтые цветочки,
и ослепляет огненная грива.

Но глухо матушка кричит из мягкой бочки:
Скорей проснись, очнись скорей, Данила.
И я с откусанным мизинцем просыпаюсь.

* * *

Но я ещё прижмусь к тебе — спиной,
и в этой — белой, смуглой — колыбели —
я, тот, который — *всех сильнее* — с тобой,
я — стану — *всех печальней* и слабее...

А ты гордись, что в наши времена —
горчайших яблок, поздних подозрений —
тебе достался целый мир, и я,
и густо— розовый
безвременник осенний.

Я развернусь лицом к тебе — опять,
и — *полный нежности, тревоги и печали* —
скажу: «Не знали мы,
что значит — погибать,
не знали мы, а вот теперь — *узнали*».

И я скажу: «За эти времена,
за гулкость яблок и за вкус утраты —
не как любовника —
(как мать, как дочь, сестра!) —
как *современника* — утешь меня, *как брата*».

И я скажу тебе,
что я тебя — люблю,
и я скажу тебе, что ты — моё спасенье,
что мы погибли (*я понятно — говорю?*),
но — сдерживали — гибель — как умели.

ТАК ВОТ ВО ЧТО СТВОРОЖИЛАСЬ ЛЮБОВЬ

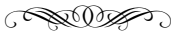
*Так вот во что — створожилась любовь:
сначала ела, пела, говорила,
потом, как рыба снулая, застыла,
а раньше — как животное рвалось.*

А кто-нибудь — проснется поутру,
как яблоня — в неистовом цветенье,
с одним сплошным, цветным стихотвореньем,
с огромным стихтворением — во рту.

И мы — проснемся, на чужих руках,
и быть желанными друг другу поклянемся,
и — как влюбленные — в последний раз
упремся —
цветочным ржаньем — в собственных гробах.

И я — проснусь, я все ж таки проснусь,
цветным чудовищем, конем твоим железным,
и даже там, где рваться бесполезно,
я все равно в который раз — рванусь.

Как все, как все — неоспоримой кровью,
как все — своих не зная берегов,
сырой землю и земной любовью,
как яблоня — набитый до краев.

* * *

Было горло красненьким, голодным, прогорклым,
горькое, как масло, слепое, жадное горло —
жалким и жадным горлышко, как рыбешка, было,
всех проглотила жадная жалкая рыба.

А ты беги отсюда, вон пошел, скотина,
хватай за жабы и бросай, как палку.
Но уже не рыба — слышишь, не голос
и запах рыбный,
а змея цветущая, голод ее жалкий.

Уж и вьется уж, всех сожрал, мокрый:
нет у него теперь ни снохи, ни свекрови,
ни свекра.

Грабли взял — опоздал: не жало и жабы,
а глядит на тебя несчастная морда жабы.

Ам, — сказала жаба и съела тебя. Странно,
почему она плачет жемчужно и с тоски зеленей
лука,
почему она плачет жемчужно и ломает зеленые
руки:
нет у жабы ни брата, ни мамы,
ни любимого, ни любимой — всех она съела, сука.

Всех она заманила в свое горькое, горькое горло,
в рыбку свою, в свою змеиную трубку
и свистит теперь дудкой, и ей отвечает гулко,
как в органе, то одно, то другое горло.

А твой звук — самый нежный, самый высокий,
лежи без муки, пой высоко — будет
плакать тебе: скоро жаба разбрызжет дольки,
полетят, как ракета, ноги ее и руки,
полетят, как ракета, руки ее и ноги,
выйдешь ты из нее, выйдут другие люди.

Май, — скажут, — ай; май, куличи да пасхи,
победили мы суку эту, рыбу, змею, жабу,
будем лапками в лапту играть; царские
примерять глазки.

А у меня горло болит: жалко жабу.

Взял я мертвое горло, склизкую трубку в тряпку
(тошнило меня, тряпкою взял, боялся),
вырыл ямку и горло укрыл в грядку:
спи спокойно, недолго уже осталось.
Третий день молчу, глотку покрыла корка,
болит, болит, братец, у братца твоего горло.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

*Не может быть, чтоб ты такой была:
лгала, жила, под топодем ходила,
весь сахар съела, папу не любила
(теперь — и как зовут меня — забыла),
зато, как молодая, умерла.*

*Но если вдруг — все про меня узнала?
(хотя чего там — углядеть в могиле —
да и вообще: всё про могилы лгут,
то, что в пальто, не может сыпать пылью,
ботинки ноги мертвому не жмут).*

Баранов, Долин, я, Шагабутдинов,
когда мы все когда-нибудь умрем,
давайте соберемся и поедем,
мои товарищи, ужасные соседи
(но только если всех туда возьмем) —
в трамвайчике веселом, голубом.

Сперва помедленней, потом быстреей,
быстреей
(о мой трамвай, мой вечный Холидэй) —
и мимо школы, булочной, детсада —
трамвай, которого мне очень надо —
трамвай, медведь, голубка, воробей.

Уж я-то думал, я не упаду,
но падаю, краснея на лету,
в густой трамвай, который всех страшнее
(но зелень пусть бежит еще быстрее,
она от туч сиреневых в цвету,
она от жалости еще темнее) —
и мимо праздника и мимо Холидэя
(теперь о нем и думать не могу)
летит трамвай, свалившийся во тьму.

Хотя б меня спаси, я лучше быть хочу
(но почему я так не закричу?),
а впереди — уже Преображенка.
Я жить смогу, я смерти не терплю,
зачем же мне лететь в цветную тьму
с товарищами разного оттенка,
которых я не знал и не люблю.
Но мимо магазина, мимо центра
летит трамвай, вспорхнувший в пустоту.

Так неужель и ты такой была:
звала меня и трусостью поила,
всех предавала, всех подруг сгубила,
но, как и я, краснея, умерла.

Но если так, но если может быть
(а так со мной не могут пошутить),
моих любовников обратно мне верни
(они игрушечные, но они мои, мои!)
и через зелень, пыльную опять
(раз этих книжек мне не написать), —
с ВДНХ — подбрось над головой —
трамвай мой страшный, красный, голубой...

ТРАМВАЙ

Баранов, Долин, я, Шагабутдинов,
когда мы все когда-нибудь умрем —
мы это не узнаем, не поймем
(ведь умирать так стыдно, так обидно),
зато как зайчики, ужасные соседи
мы на трамвае золотом поедем.

Сперва помедленней, потом быстреей,
быстреей
(о мой трамвай, мой вечный Холидэй) —
и мимо школы, булочной, детсада —
трамвай, которого мне очень надо —
трамвай, медведь, голубка, воробей.

Уж я-то думал, я не упаду,
но падаю, краснея на лету,
в густой трамвай, который всех страшнее
а он, как спичка, чиркнув на мосту
несется, заведенный в пустоту
(куда и заглянуть теперь не смею),
с конфеткой красной, потной на борту.

Но вот еще, что я еще хочу
(хоть это никогда не закричу) —
а позади уже бежит Стромынка:
обидно мне, что, падая во тьму,
я ничего с собою не возьму —

ни синяка, ни сдобы, ни ботинка,
ни Знаменку, ни рынок, ни Москву.

А я люблю Москву — и вот, шатабиду,
я прямо с Пушки в небеса уйду,
с ВДНХ помашет мне Масловский.
Но мой трамвай, он выше всех летит,
а мне всё жаль товарищей моих,
и воробьих, и воробьев московских.

Ах, если бы и мне ты тоже мог бы дать
на час — музеи все, все шарики отдать,
все праздники, всех белых медведёй —
всё, что бывает у других людей
и что в один стишок не затолкать
(ведь даже мне всей правды не сказать), —

тогда, ах если бы (иначе я боюсь),
тогда Барановым и Долиным клянусь:
что без музеев (из последних сил
я в них всегда, как сирота, ходил),
без этих шариков, которые всегда
от нас не улетали никуда —
без них без всех — я упаду во тьму
и никого с собой — не утяну.

